

Лев Шейнин

СУД ИДЕТ!

ЗАПИСКИ
МОСКОВСКОГО
СЛЕДОВАТЕЛЯ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ9

Шейнин, Лев Романович.
ШЗ9 Суд идет! : записки московского следователя / Лев Шейнин. — Москва : Родина, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-00222-633-7

В 1921 году пятнадцатилетний журналист провинциальной газеты Лев Шейнин поступил в московский Высший литературно-художественный институт. Но в феврале 1923 года по комсомольскому распределению был направлен на работу в Прокуратуру СССР. В 1927 году в газете «Известия» был опубликован первый рассказ Льва Шейнина «Суд идет».

Со временем автор стал одним из самых опытных и толковых советских следователей, совмещая раскрытие преступлений и литературное творчество. Действие всех опубликованных в данном сборнике рассказов происходит в Москве в период с начала двадцатых до середины пятидесятых годов.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00222-633-7

© Шейнин Л. Р., 2024
© ООО «Издательство Родина», 2025

Содержание

Рассказ о себе.....	6
Последний из могикан.....	27
Мечь.....	34
Явка с повинной.....	45
Разговор начистоту.....	51
Крепкое рукопожатие.....	60
Новогодняя ночь.....	68
Генеральша Апостолова.....	74
«Музыкальная» натура.....	87
Динары с дырками.....	99
«Дама Туз».....	136
Тройка по физике.....	158
Исчезновение.....	172
Цепная реакция.....	216
Приемный день.....	250

Рассказ о себе

Каждый писатель приходит в литературу своим путем. Моя литературная судьба сложилась за следовательским столом.

И сегодня, 25 марта 1956 года, когда мне стукнуло, увы, пятьдесят, я вспомнил о том, как все это началось.

Вспомнилась мне Москва 1923 года и тот студеный февральский день, когда меня, комсомольца, студента Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова, зачем-то срочно вызвали в Краснопресненский райком комсомола.

Москва 1923 года, Москва моей юности, никогда не забыть мне тебя!.. Закрываю глаза и вижу твои заснеженные улицы, узенькую Тверскую с часовенкой Иверской Божьей Матери в Охотном ряду, редкие стонущие трамваи, сонных извозчиков на перекрестках, лошадей, медленно жующих овес в подвешенных торбах, продавщиц Моссельпрома — первого советского треста — с лотками, в форменных замысловатых шапочках с золотым шитьем, торгующих шоколадом и папиросами «Ира» (о которых говорилось, что это — «все, что осталось от старого мира»); вижу дымную чайную у Зацепского рынка, где всегда грелись розничные торговцы и студенты, извозчики и зацепские мясники, рыночные карманники и пышногрудые, румяные молочницы, дожидавшиеся своего поезда по Павелецкой линии. Вижу твои вокзалы, густо заселенные студен-

Сухаревская площадь в Москве. 1923 год

ческие общежития, ночную длинную веселую очередь у кассы МХАТ и кинотеатр «Великий немой» на Тверском бульваре, — ведь кино и в самом деле было тогда еще немым.

Удивительное это было время, и удивительной была та Москва. В ней еще уживались рядом бурлящая Сухаревка, с ее бесконечными палатками, ларями и лавками и комсомольские клубы в бывших купеческих особняках, сверкавшие свежим лаком вывесок магазины и конторы первых нэпманов и аудитории рабфака имени Покровского на Моховой, где вчерашние токари, слесари и машинисты спешно готовились к поступлению в университет; огромная черная вывеска московского клуба анархистов на Тверской («Анархия — мать порядка») и замысловатая живопись в кафе «Стоило Пегаса» на углу Страстной площади, где читали очень разношерстной и не очень трезвой публике свои стихи поэты-имажинисты.

В комсомольских клубах пели «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян», изучали эсперанто на предмет максимального ускорения мировой революции путем создания единого языка для пролетариев всех стран, упорно грызли гранит науки и люто ненавидели нэпманов, которых временно пришлось допустить.

А в городе, невесть откуда и черт его знает зачем, повылезла изо всех щелей всяческая нечисть — профессиональные шулеры и надменные кокотки, спекулянты с воспаленными от алчности лицами и элегантные, молчаливые торговцы живым товаром, бандиты с аристократическими замашками и бывшие аристократы, ставшие бандитами, эротоманы и просто жулики всех оттенков, масштабов и разновидностей.

Каждодневно возникали и с треском лопались какие-то темные «компании» и «анонимные акционерные общества», успевая, однако, предварительно надуть только что созданные государственные тресты, с которыми эти общества заключали договоры на всякого рода поставки и подряды. Появились первые иностранные концессии — лесные, трикотажные, карандашные.

Господа концессионеры, всевозможные Гаммеры, Петерсоны и Ван-Берги, обосновывались в Москве и Ленинграде прочно, обзаводились молоденькими соержанками, тайно скупали меха и валюту, рублевские иконы и вологодские кружева, драгоценные картины и хрусталь, потихоньку сплавляли это за границу, а попутно увлекались балетом и балеринами и вздыхали «о бедном русском народе, захваченном врасплох коммунистами, отрицающими нормальный человеческий порядок, но теперь как будто взявшимися за ум...»

Точно в назначенное время пришел я в райком, не понимая, зачем так срочно понадобился. Осипов — заведующий орготделом райкома — только загадочно

ухмыльнулся в ответ на мой вопрос и сказал, что мне на него ответит Сашка Грамп, секретарь райкома.

Мы вместе прошли в кабинет Грампа, которого я, будучи членом райкома, хорошо знал.

— Здорово, Лева, — сказал Грамп. — Садись. Серьезный разговор...

Я сел против него, и он рассказал, что есть решение московского комитета комсомола о мобилизации группы старых комсомольцев на советскую работу. Меня, члена комсомола с 1919 года, включили в их число.

— Зверски нужны надежные фининспекторы и следователи, — продолжал Грамп, попыхивая огромной трубкой, которую он в глубине души терпеть не мог, но считал, что она придает ему вполне «руководящий вид». — Фининспекторы, заметь, ведают обложением нэпманов налогами, те находят к ним всякие подходы, а бюджет страдает... Понятно?

— Понятно. Только какое отношение это имеет ко мне? — неуверенно спросил я.

— Мы не можем допустить, чтобы страдал бюджет, — строго ответил Грамп и угрожающе запыхтел трубкой. — Впрочем, еще больше, чем фининспекторы, нужны следователи. В московском губсуде, оказывается, две трети следователей — беспартийные, и даже несколько человек работали следователями еще при царском режиме. Революция должна иметь своих собственных шерлок-холмсов... Понятно?

— Саша, но я не собирался стать ни фининспектором, ни следователем, — осторожно начал я. — В финансах я вообще ни черта не смыслю, а что касается Шерлока Холмса, то я помню, что он курил трубку, жил на Беккер-стрит и играл на скрипке. Кажется, он пользовался каким-то дедуктивным методом, и был у него приятель, доктор Ватсон, который всегда очень своевременно задавал ему глупые вопросы, чтобы Шер-

лок Холмс мог умно на них отвечать... Но главное не в этом!.. Я учусь в литературном институте, собираюсь посвятить свою жизнь литературе и...

— И дурень! — неделикатно перебил меня Грамп. — Какое дело революции до твоих чаяний единоличника? Кроме того, если ты решил посвятить себя литературе, так именно поэтому тебе надо как можно скорее стать фининспектором, а еще лучше следователем!.. Сюжеты, характеры, человеческие драмы — вот где литература, чудак! Но дело даже не в этом, советской власти нужны кадры фининспекторов и следователей. Мы должны их дать. И ты один из тех, кого мы даем. И точка. И знак восклицательный. И никаких вопросительных. Куда выписывать путевку — в губфинотдел или в губсуд?

— Ты же только что сказал, что никаких вопросительных знаков, — пытался я отшутиться. — Зачем же входить в противоречие с самим собой?

— Товарищ Шейнин, — произнес Грамп ледяным тоном. — Речь идет о мобилизации по заданию партии. Можешь до вечера думать, куда пойдешь. Потом приходи за путевкой. До вечера, Байрон!

Байроном Грамп величал меня потому, что в те годы у меня была буйная шевелюра, во что, впрочем, теперь трудно поверить, и я носил рубашку с отложным воротником.

Так я стал следователем московского губернского суда.

Скажем прямо: в наши дни трудно понять, как могли назначить следователем семнадцатилетнего паренька, не имевшего к тому же юридического образования. Но слова из песни не выкинешь, и что было, то было. Ведь происходило это в первые годы становления Советского государства, когда сама жизнь торопила с выдвижением и воспитанием новых кадров во всех областях строи-

тельства нового государства. С судебно-следственными кадрами дело обстояло особенно остро. Лишь за год до этого, по инициативе В.И. Ленина, была создана советская прокуратура. На смену революционным трибуналам первых лет советское государство только что создало народные и губернские суды. Совсем недавно были введены уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, и правосудие могло опираться на закон, а не только на «революционное правосознание».

Я был огорчен мобилизацией. Я опасался, что новая работа оторвет меня от института и, главное, от литературы. Тогда я еще не понимал, что для писателя лучший институт — сама жизнь и никакие другие институты, в том числе и литературный, не могут ее заменить.

Не понимал я также, что в работе следователя есть много общего с писательским трудом. Ведь следователю буквально каждый день приходится сталкиваться с самыми разнообразными человеческими характерами, конфликтами, драмами. Следователь никогда не знает сегодня, какое дело выплеснет жизнь на его рабочий стол завтра. Но каково бы ни было это дело — будет ли оно о разбое, или об убийстве из ревности, или о хищениях и взяточничестве, — за ним всегда и прежде всего стоят люди, каждый из них со своим характером, своей судьбой, своими чувствами. Не поняв психологии этих людей, следователь не поймет преступления, которое они совершили. Не разобравшись во внутреннем мире каждого обвиняемого, в сложном, иногда удивительном стечении обстоятельств, случайностей, пороков, дурных привычек и связей, слабостей и страстей, следователь никогда не разберется в деле, в котором он разобраться обязан.

Вот почему работа следователя неизменно связана с проникновением в тайники человеческой психо-

логии, с раскрытием человеческих характеров. Это роднит труд следователя с трудом писателя, которому тоже приходится вникать во внутренний мир своих героев, познавать их радости и несчастья, их взлеты и падения, их слабости и ошибки.

Так случайность, сделавшая меня следователем, определила мою литературную судьбу.

В числе московских следователей, как правильно сказал мне Грамп, было тогда довольно много беспартийных, и среди них несколько старых, «царских», следователей, из которых мне особенно запомнился Иван Маркович Снитовский, коренастый крепыш лет за шестьдесят, украинец, с лукавым добродушным лицом и темными смеющимися глазами. Он имел за своими плечами почти тридцатилетний опыт работы судебного следователя и перед самой революцией занимал пост следователя по особо важным делам Московской судебной палаты. После революции, в отличие от многих своих коллег, Иван Маркович не эмигрировал за границу. Несмотря на свое дворянское происхождение, он сразу принял революцию и поверил в нее.

Энтузиаст своего дела и глубокий его знаток, он охотно делился своим огромным опытом с молодыми товарищами, многие из которых сели за следовательский стол непосредственно от станка или пришли с партийной работы.

После моего назначения в губсуд я был прикреплен в качестве стажера к нему и еще к одному старшему следователю, Минаю Израилевичу Ласкину. Последний начал свою деятельность в качестве следователя уже после революции, в 1918 году, придя студентом в ревтрибунал.

Небольшого роста, очень живой, быстрый, находчивый, Ласкин тоже без памяти любил свою профес-

сию и был одним из лучших следователей московского губсуда.

Президиум губсуда, не без основания несколько обеспокоенный моим возрастом, поручил этим двум следователям в течение полугода поработать со мною, чтобы выяснить, как выразился председатель губсуда, «что получится из этого рискованного эксперимента».

Когда я вошел в кабинет Снитовского (уже предупрежденного о моем приходе и прикомандировании к нему), он быстро встал и, улыбаясь, подошел ко мне.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, молодой человек, — произнес он, пожимая мне руку. — Чай, осьмнадцать еще не стукнуло, а?

— Скоро стукнет, — сказал я, сразу проникаясь симпатией к этому приветливому, веселому человеку со смуглым, крепким лицом, освещенным сиянием больших темных глаз.

— Ну-ну, не беда, не смущайтесь. Молодость — это недостаток, который с каждым часом проходит. Давайте присаживайтесь вот здесь, в кресле, почувствуйте себя как дома, и начнем знакомиться...

А через час, очень незаметно для меня, с самым простодушным и веселым видом, Снитовский уже узнал обо мне чуть ли не все, что можно было узнать. Только потом я оценил эту поразительную способность выяснять с необыкновенной быстротой все интересующие его вопросы, отнюдь при этом как бы и не расспрашивая, не прожигая собеседника «проницательным» взглядом, а как-то весело и непринужденно, даже не разговаривая, а болтая, смеясь и шутя и необыкновенно при этом к себе располагая.

Нужно ли говорить, что уже к концу нашего первого разговора я был по-мальчишески влюблен в этого человека, и мне отчаянно хотелось заслужить его симпатии и веру в мои молодые силы.

В тот же день я познакомился и со вторым своим шефом — Ласкиным. Оказалось, что мы с ним земляки по городу Торопцу Псковской губернии, где я провел детские годы и вступил в комсомол, и что Ласкин отлично знал и хорошо помнит моих старших сестер, кончавших гимназию в то самое время, когда он заканчивал там же реальное училище.

Иван Маркович и Минай Израилевич отнеслись к поручению — проверить, «что получится из этого эксперимента», — с большой добросовестностью, и я многим обязан им. На стажировку мне было выделено полгода, после чего я должен был держать экзамен в аттестационной комиссии губсуда для окончательного решения своей дальнейшей следственной участи.

Может быть, благодаря тому что я попал в очень умные и заботливые руки этих людей, сразу сумевших пробудить во мне интерес и уважение к своей профессии, и тому, что статьи уголовного и процессуального закона, которые я изучал, ежедневно оживали передо мною в лицах подсудимых, совершивших преступления, предусмотренные этими статьями, — может быть, именно поэтому я жадно впитывал все премудрости следственного искусства.

Месяца через три Иван Маркович обнял меня за плечи и очень серьезно и тихо, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— А ну, лопни мои очи, хлопчик, если из тебя не выйдет толк... Лицея не кончал, кандидатом на судебные должности в судебной палате, аки аз грешный, не был, зеленый, как огурец, а следователем я тебя все-таки сделаю, всем правилам божеским и человеческим вопреки!.. Сделала-ю!..

И, заметив вошедшего в кабинет Ласкина, обратился к нему:

— Минай, скажи по совести, мудрая башка, не лукавь: быть ему слидчим по наважнейшим справам, как говорят на Украине, или не быть?

— Обидный вопрос, — улыбнулся Ласкин. — Разве ты не видишь этого по мне? Он ведь торопчанин!.. С тех пор как в Торопце венчался Александр Невский, у торопчан все выходит как надо...

А через полгода я держал экзамен в аттестационной комиссии губсуда, и ее председатель Дегтярев, мрачный, бородатый, очень строгий старик, безжалостно «гонял» меня по всем главам и разделам уголовного, процессуального, трудового и гражданского кодексов, сердито что-то ворча себе под нос, выслушивал мои ответы и время от времени произносил:

— Это тебе, мил человек, не в лапу играть... А скажи-ка ты мне, орел, что такое принцип презумпции невиновности и с чем его кушают?

— Принцип презумпции невиновности в уголовном праве, — отвечал я, — подразумевает, что органы следствия и суда должны исходить из презумпции невиновности обвиняемого. Это значит, что не он обязан доказывать свою невиновность, а они обязаны, если имеют для этого достаточно данных, доказать его вину... И пока его вина не доказана в законном порядке, человек считается невиновным...

— Гм... так... это тебе, брат, не хрен с апельсином... А вот скажи ты мне, сделай милость, как допрашивают малолетних?

— Допрос малолетних производится следователем или в присутствии их родителей, или в присутствии воспитателей, или без тех и других. Следователь должен избегать наводящих вопросов, чтобы невольно не внушить ребенку того, что рассчитывает получить в его показаниях. С другой стороны, показания детей о приметах преступника, его поведении,

одежде и т.п. заслуживают особого внимания, так как дети очень наблюдательны и их восприятие внешнего мира очень свежо. Допрашивая детей, надо разговаривать с ними серьезно, как со взрослыми, а не подлаживаться под детский язык, что всегда настораживает ребенка. Если ребенок допрашивается в качестве потерпевшего, например по делу о его растлении или развращении, следователь обязан выяснить все интересующие его детали очень осторожно, чтобы самый допрос не превратился по существу в развитие этого развращения и не травмировал дополнительно ребенка...

— Гм... Дело говоришь... И вот что, милоч. На следователя мы тебя аттестуем, хоть ты и вовсе еще воробей-подлетишь... Запомни посему раз и навсегда для своей работы: спокойствие прежде всего — это раз! Презумпцию невиновности надо не по учебнику вызывать, а всем сердцем понять — это два! Допрашивая человека, всегда помни, что ты делаешь привычное и хорошо знакомое тебе дело, а он может запомнить этот допрос на всю жизнь, — это три! Знай, что первая версия по делу еще не всегда самая верная, — это четыре! А самое главное: допрашивая воров и убийц, насильников и мошенников, никогда не забывай, что они родились на свет такими же голенькими, как мы с тобой, и еще могут стать людьми не хуже нашего... А если когда-нибудь станет тебе скучно на нашей легкой работе или изверишься в людях вообще — тикай, малец, тикай, ни дня не оставайся следователем и сразу подавай рапорт, что к дальнейшему прохождению следственной службы непригоден...

И старик Дегтярев, с его мрачным видом, старый большевик и политкаторжанин, которого все в губсуде уважали, но побаивались за острый язык, резкость суждений и непримиримость к проступкам судебных

работников (Дегтярев был, кроме того, и председателем дисциплинарной коллегии губсуда), встал из-за стола, пожал мне руку, испытующе поглядел и даже — чего я никогда еще не видал — улыбнулся.

Когда я вышел из его кабинета, то увидел Снитовского и Ласкина, беспокойно расхаживающих по коридору. Не стерпели мои дорогие шефы и оба прибежали со Столешникова переулка на Тверской бульвар, где помещался губсуд, и здесь, дожидаясь моего выхода, кляли на чем свет стоит «бороду», как называли Дегтярева, который, видно, придирается к их воспитаннику и того и гляди завалит его на экзамене.

Увидев мое взволнованное, но сияющее лицо, они сразу с облегчением вздохнули и начали наперебой расспрашивать, как долго и как именно мучил меня этот «бородатый тигр и лютый скорпион».

А «тигр» этот в последующие годы моей следственной работы, до самого перевода в Ленинград, очень внимательно следил за моей работой, потихоньку изучал все расследованные мною дела, поступавшие на рассмотрение в губсуд, и частенько приглашал меня к себе домой, поил чаем с лимоном и с тем же мрачным и ворчливым видом, сердито покашливая в свою черную с сединой бороду, внушал все «десять заповедей» советского судебного деятеля.

Но я уже не боялся ни его мрачного вида, ни сердитого кашля, ни его бороды, хорошо поняв и на всю жизнь запомнив этого умного, доброго, прожившего чистую, но очень трудную жизнь человека.

Понимал это не один я. Когда через несколько лет Иван Тимофеевич Дегтярев умер от разрыва сердца, весь губсуд шел за его гробом, и на кладбище, стоя рядом со Снитовским и Ласкиным, я видел сквозь слезы, что искренне плачут и они, и многие другие работники, среди которых было немало и тех, кого в свое время

сурово «шерстил» покойный председатель дисциплинарной коллегии за те или иные проступки.

И вспомнился мне тогда мой проступок, за который я тоже предстал перед дисциплинарной коллегией, в страхе, что вылечу за него, как пробка, со следственной работы, которую я успел горячо и на всю жизнь полюбить.

Случилась со мной эта беда в самом начале моей работы, и была она связана с делом о динарах и, как это ни странно, с «адмиралом Нельсоном». Об этом забавном и поучительном случае я написал в рассказе «Динары с дырками».

После того как я прошел аттестационную комиссию, меня назначили народным следователем в Орехово-Зуево¹.

Полгода я прожил в этом подмосковном городке, расследуя мои первые дела: о конокрадах, растратах в потребсоюзе, об одном случае самоубийства на почве безнадежной любви и одном убийстве «по пьяному делу» на сельской свадьбе. Я старательно исполнял все «десять заповедей» следователя, преподанные мне Дегтяревым, Снитовским и Ласкиным, то есть твердо помнил, что «спокойствие прежде всего», что искусство допроса состоит не только в том, чтобы уметь спрашивать, но и в том, чтобы уметь выслушивать, что

¹ 21 августа 1920 года Положениями о местных органах юстиции и о народном суде РСФСР от 20 октября того же года учреждаются должности народных следователей, состоящих при советах народных судей, а также следователей по важнейшим делам при губернских отделах и Наркомате юстиции.

Народный следователь мог приступить к производству расследования по заявлениям граждан, сообщениям милиции, должностных лиц и учреждений, по постановлению судьи, а также по своему усмотрению. Окончательное решение о прекращении дела или предании суду принадлежало народному суду. — *Прим. ред.*

первая версия не всегда самая верная, что человек волнуется на допросе не только тогда, когда он виновен, но и тогда, когда он невиновен, и что еще Достоевский верно заметил, что так же, как из ста кроликов невозможно составить лошадь, так и из ста мелких и разрозненных улик невозможно сложить веское доказательство виновности последственного.

Через полгода меня неожиданно перевели в Москву, и я снова был прикреплен к следственной части губсуда. А через несколько дней я допустил свою первую ошибку, стоившую мне немало волнений. Связана она была с делом ювелира Высоцкого.

Весна 1924 года была очень слякотной, а жил я тогда в Замоскворечье, на Зацепе, откуда ежедневно ездил в Столешников переулочек на работу. Я решил обзавестись новыми калошами и как-то приобрел в магазине «Проводник» великолепную пару на красной, едва ли не плюшевой подкладке, называвшиеся почему-то «генеральскими».

И вот однажды, очень довольный своим новым приобретением, я приехал на работу и поставил свои великолепные, сверкавшие лаком и мефистофельской подкладкой калоши в угол комнаты. Сев за стол в своем маленьком кабинете, я стал заниматься делом, время от времени бросая довольные взгляды на свое роскошное, как мне казалось, приобретение.

Снитовский в то время вел среди других дел и дело о ювелире Высоцком, о котором имелись данные, что он скупает бриллианты для одного иностранного концессионера и участвует в контрабандной переправе этих бриллиантов за границу. Снитовский потратил много труда на то, чтобы собрать доказательства о преступной деятельности этого очень ловкого человека и его связях; наконец, набралось достаточно данных, для того чтобы принять решение об его аресте. Заня-

тый рядом других дел, Иван Маркович поручил мне вызвать Высоцкого, допросить его и объявить ему постановление об аресте, после чего отправить в тюрьму.

Высоцкий был вызван, явился в точно назначенное время, и я стал его допрашивать. Это был человек лет сорока, очень элегантный и немного фатоватый, с золотыми зубами и сладенькой улыбочкой, которую, похоже было, раз наклеив, он так и не снимал со своего лица и даже, возможно, ложился с нею спать.

Он очень любил светские, как ему казалось, обороты речи и через два часа страшно надоел мне своими «позволю себе обратить ваше внимание», «если мне будет позволено», «отнюдь не желая утомлять вас, я просил бы, тем не менее и однако», «учесть, если вас не затруднит».

Окончив допрос и предъявив Высоцкому постановление об аресте в порядке статьи 145 УПК, разрешавшей в исключительных случаях арестовывать подозреваемых без предъявления обвинения, но на срок не более чем на четырнадцать суток, я стал терпеливо выслушивать его заявления, что он «абсолютно афропирован», находится «в совершеннейшем смятении» и рассматривает случившееся как крайнее, «если позволите быть откровенным, недоразумение», которое, как он «всеми фибрами души надеется, вскоре разъяснится».

При всем том этот довольно бывалый и ловкий проходимец оставался абсолютно спокойным, видимо рассчитывая, что ему и впрямь удастся вывернуться из дела, тем более что, по совету Снитовского, я ему еще не выложил всех доказательств, почему, собственно, предъявление обвинения и было нарочито отложено.

Дав Высоцкому расписаться в том, что постановление о мере пресечения ему объявлено, я оставил его в кабинете, предварительно заперев в сейф дело, и вышел, чтобы поручить старшему секретарю следствен-

ной части вызвать конвой и тюремную карету. Старший секретарь, когда я вошел в канцелярию, был мною обнаружен стоящим на высоком подоконнике и дико кричащим оттого, что по канцелярии бегала крыса. Его вопли меня рассмешили, хотя крыс я тоже очень не люблю, и я стал его успокаивать.

Пока крыса не юркнула в дыру, секретарь не успокаивался, и мне пришлось ему довольно долго растолковывать, что надо сделать.

Нетрудно вообразить себе мое состояние, когда, вернувшись в кабинет, я не обнаружил ни Высоцкого, ни моих новых калош...

Зато на моем столе лежал лист бумаги, на котором рукою Высоцкого было размашисто написано: «Надеюсь, что вы будете далеки от мысли, уважаемый следователь, что я, человек интеллигентный, украл ваши калоши. Нет, я просто взял их взаймы, так как на дворе очень сыро, а мне предстоит, не без вашей вины, большой путь... Привет! Высоцкий».

Я в ужасе бросился к Снитовскому.

Едва взглянув на записку, Иван Маркович, мгновенно сообразив, что надо делать, поднял трубку телефона и позвонил в МУР. Дело в том, что Снитовским была установлена фамилия любовницы Высоцкого, и тот не знал, что следствию уже известна его связь с нею. Снитовский дал указание МУРу установить наблюдение за квартирой этой женщины, верно решив, что Высоцкий, прежде чем скрыться из Москвы, не преминет проститься со своей возлюбленной, наличие которой он, кстати, будучи человеком семейным, тщательно скрывал.

Лишь дав все необходимые указания, Снитовский обратился ко мне:

— Вот что, Левушка, — сказал он, — я уверен, что этого прохвоста задержат, но пусть эта печальная исто-

рия с калошами запомнится вам как символ того, что следователю не к лицу самому садиться в калошу...

Я не мог найти себе места от конфуза и успокоился только вечером, когда агенты МУРа доставили задержанного ими Высоцкого, который, как и предвидел Снитовский, зашел к своей возлюбленной. Высоцкий, опять-таки не теряя спокойствия, снял в кабинете мои калоши, галантно сказав при этом: «Пардон, но было очень сыро, а я этого, с вашего позволения, совершенно не переносу, еще раз — миль пардон!»

В Москве я проработал до 1927 года, а затем был назначен старшим следователем Ленинградского областного суда.

Через три года я был снова переведен в Москву и назначен следователем по важнейшим делам, а затем, в 1935 году, — начальником Следственного отдела Прокуратуры СССР, где и проработал до 1 января 1950 года, когда полностью перешел на литературную работу.

Таким образом, двадцать семь лет своей жизни я отдал расследованию всякого рода уголовных дел. Естественно, что это и определило характер моей литературной работы, которую я начал в 1928 году, опубликовав в журнале «Суд идет!» свой первый рассказ — «Карьера Кирилла Лавриненко».

Этим рассказом я и начал свои «Записки следователя», которые в последующие годы печатались на страницах «Правды», «Известий» и ряда журналов. В 1938 году в издательстве «Советский писатель» они вышли отдельной книгой. Вся первая книга «Записок следователя» писалась в суতোлке оперативной работы, в горячке уголовных происшествий, в которых приходилось срочно разбираться. Естественно, что некоторые рассказы и очерки писались бегло, в часы досуга, такого бедного в те годы. Теперь я, конечно,